День рождения

Г-жа Папаи пришла на встречу минута в минуту. А вот господа минут на пятнадцать опоздали, за что долго просили покорнейше их простить, и потом преподнесли г-же Папаи букет по случаю ее шестидесятилетия. Все это происходило на площади Баттяни. Господа все извинялись и извинялись, пока г-жа Папаи не отмахнулась нетерпеливым жестом от всех этих ненужных слов, обезоруживающе улыбнувшись и сказав с заметным акцентом и певучей мелодией в голосе, которая лишь подчеркивала очарование ее фразы (в воздухе кружились снежинки, и о них, кстати, в отчете упомянуть забыли): “Пусть это будет самая большая проблема, господа”, — точнее, она сказала “товарищи”, но сейчас, дабы не умалять серьезности нашего повествования, останемся при слове “господа”, которое все же больше соответствует учтивым комплиментам, прозвучавшим, когда мужчины преподносили свой роскошный букет. Далее все небольшое общество, как и было заранее условлено, направилось, обходя площадь, в сторону кафе, которое находилось у церкви или за ней (это уж как смотреть) и полуподвальное положение которого напоминало о временах до больших потопов. Заслышав звонкий смех г-жи Папаи, серая пена на реке тоже на миг повеселела, и да — сам Хокусай позавидовал бы этому изумительному зрелищу: на серебристо-серую воду косо опускаются огромные белые снежинки. В тот же самый миг в сторону

Цепного моста от расположенной за выходом из метро конечной остановки отъехал с жутким дребезжанием, заглушившим смех г-жи Папаи, девятнадцатый трамвай[1].

Г-жа Папаи выглядела не особо элегантно: на лоб натянута толстая вязаная шапка из цветной шерсти, бежевое пальто на теплой подкладке, вышедшее из мастерских швейной фабрики "Красный Октябрь", тоже не сказать чтобы последней модели, обута в простые туфли на плоской подошве, а единственным украшением были прекрасные сияющие глаза — яшмово-зеленые, отливающие серым и голубым. Она будто намеренно не заботилась о своем внешнем виде. "Будет вам, господа! Неважно, как человек выглядит, не платье красит человека!" — сказала бы она, если бы ее об этом спросили. На сей раз, кстати, непритязательный вид определенно был ей на руку. То, что у нее день рождения, она им не сообщала, потому что г-же Папаи было особенно важно, чтобы окружающие "не устраивали никаких глюпостей" по поводу этого дня, не нравились ей церемонии, ненужные празднования: "Есть на этой земле много более важные вещи, куда более важные: люди голодают, ходят без обуви, болеют, гибнут на войне", — хотя на самом деле рождение г-жи Папаи было окутано некоторой неопределенностью — об этом, впрочем, троица наших господ точно знать не могла. Так уж совпало, что день рождения г-жи Папаи время от времени приходился на один славный скользящий праздник, и в ее детстве семья, все еще строго соблюдавшая религиозные предписания, когда было настроение, отмечала день рождения г-жи Папаи, этот *двойной* праздник, по нескольку дней кряду, раз уж праздник зажигания свечей длится, как всем известно, восемь дней; ро-

1 Докладываю, что 3 декабря 1982 года я встретился в кафе "Ангелика" с тайным сотрудником под кодовым именем г-жа ПАПАИ. Во встрече также приняли участие подполковник полиции тов. Янош Сакадати и подполковник полиции тов. Миклош Бейдер.
Мы прибыли на встречу с десятиминутным опозданием. Г-жа Папаи ждала нас на площади Баттяни. После того как меня представили, я принес ей сердечные поздравления по случаю шестидесятилетия и вместе с наилучшими пожеланиями вручил в подарок скатерть с народными узорами, которая ей очень понравилась, а также букет цветов.

дители же, поддавшись артистическому легкомыслию, иной раз даже отступали от настоящей, прозаической даты (кстати, это было 3 декабря), ведь дочь своим появлением на свет доставила им такую же радость, что и сам праздник. Наверное, именно из-за этого скольжения и вышло так, что мать г-жи Папаи, натура увлекающаяся, известная плохой памятью и склонная к флирту, объявляясь в разных колониальных и прочих конторах, коих из-за двойной администрации было до обидного много, что сильно усложняло жизнь переселенцев, всякий раз называла иную дату, ибо обнаруживала вдруг, что помнит только, что дочь родилась на Хануку, отчего в разных документах могли фигурировать сразу несколько соседних дней, а именно 1 декабря, 2 декабря, 3 декабря — больше того, в одном месте значилось шестое! — чем, наверное, и объясняется "равнодушие" и даже глубокая антипатия, какую г-жа Папаи — убежденная атеистка — испытывала по отношению к собственному дню рождения. Если нельзя узнать, в какой именно день она на самом деле родилась, останавливаться на какой-то конкретной дате и вправду довольно абсурдно. Но господа всего этого знать не могли.

И вот г-жа Папаи спустилась по крутым ступеням, ведущим в кафе "Ангелика", в сопровождении трех обходительных господ (подполковника полиции Миклоша Бейдера, *передающего*, старшего лейтенанта полиции доктора Йожефа Доры, *принимающего*, а также подполковника полиции Яноша Сакадати, замначальника сектора)[2]. Все это

2 РЕЗОЛЮЦИЯ

Настоящим подтверждаем, что досье за номером 2959, В-I, Р-I на сетевого агента... (место и год рождения, фамилия матери), работающего под кодовым именем "Г-ЖА ПАПАИ", в целях дальнейшего контроля и руководства деятельностью агентурного лица передается от тов. РУДОЛЬФА РОНАИ и принимается сегодняшним числом тов. Йожефом ДОРОЙ (код подразделения III/I-3).

Будапешт, ... числа окт. месяца 1982 г.
Рудольф Ронаи,
передающий
Йожеф Дора,
принимающий

только потому не выглядело как выход опереточной примадонны, что двое, Дора и Сакадати, из скромности и в соответствии с правилами конспирации несколько поотстали. Но на этом сюрпризы не кончились. Они уже сидели внизу, в одном из уютных закутков, отгороженных высокими спинками диванов, и господа уже успели посоперничать друг с другом в том, кому из них удастся подхватить зимнее пальто с плеч г-жи Папаи (самым ловким оказался Миклош), а когда пальто с ее плеч ниспало, взоры всех троих задержались на былой красоте уже немолодой и не очень высокой женской фигуры, явленной в бедрах и высокой полной груди, которые, кстати, в расцвете своей красы представали на неизвестных троим господам пляжных фотографиях, преимущественно на тех, что выгодно подчеркивали силуэт на фоне предзакатного неба; на них же вырисовывалось в профиль и лицо, красивое отчасти благодаря своим совершенным пропорциям, а отчасти — благодаря веселости и безусловной любви к жизни, которыми светились его черты. То, что оные старые экзотические фотографии делались у моря в ходе конспиративных собраний, вероятно, взбудоражило бы троих господ, если бы об этом вообще зашла речь, но беседа не касалась ливанских кедров, в сени которых таились бухты, где купались и флиртовали друг с другом дамы и господа самых разных национальностей и вероисповеданий, где они фотографировались с осликами, водопадами и Средиземным морем и где обсуждали насущнейшие задачи местной партячейки, пока к северу от них бушевала мировая война. Так вот, когда все четверо расселись в закутке и тщательно изучили меню, трое господ, чуть не перебивая друг друга, заказали себе кофе, а г-жа Папаи — чай “эрл грей”, считавшийся в те времена пределом роскоши; от пирожного же, хоть взять его и уговаривал мягким баритоном старший из господ, Миклош, она отказалась, сославшись на чрезмерный объем талии. “Французские бисквиты здесь весьма недурственные, просто бесподобные, — уверял ее Миклош. — У меня внук по два за один

присест съедает, а уж маковые…” (“Флодни! Это такая еврейская штука, да?” — встрял было товарищ Сакадати, но, почувствовав на себе неодобрительные взгляды Миклоша и Йожефа, тут же умолк.) Миклош, который знал г-жу Папаи дольше всех, продолжал настаивать и все нахваливал ей знаменитые на весь мир кондитерские шедевры “Ангелики”, пока после долгих колебаний она наконец не дала себя уговорить и не согласилась на профитроль; воспоследовавшая за этим война между вилочкой и профитролем оставила на губах г-жи Папаи следы взбитых сливок, которые она слизывала с громким хохотом, что потом дало повод для многочисленных шутливых замечаний со стороны мужчин. Сами они тоже, наверное, не отказались бы что-нибудь съесть, однако понимали, какие издержки повлечет за собой эта встреча[3], и хотя контора в этом отношении руки им не связывала, они прекрасно знали, что в долгосрочной перспективе некоторая воздержанность не повредит. Еще до появления профитроля, в тишине, какая нередко возникает в тесных компаниях, когда каждый чувствует, что от предварительных формальностей и общих фраз пора переходить к делу, Йожеф, к огромной радости г-жи Папаи, неожиданно, как по волшебству, достал из портфеля[4] изумительно кра-

3 Расходы на встречу составили 386 форинтов.

4 ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Будапешт, I декабря I982 г.

Секретный сотрудник Г-ЖА ПАПАИ 3 декабря I982 года отмечает 60-летие.
Состоит в оперативной связи с управлением отдела III/I с I976 года, за этот период предоставила целый ряд ценных сведений об израильской агентурной, оперативной обстановке, равно как и о происках сионистского движения. Нам были предоставлены ценные материалы с 29-го Всемирного сионистского конгресса, на 30-й Всемирный сионистский конгресс тоже планируется выезд с оперативными целями.
Ввиду проделанной работы, в связи с 60-летием

П р е д л а г а ю

в качестве вознаграждения представить Г-ЖУ ПАПАИ к ценному подарку стоимостью I000 форинтов.

Ст. лейтенант полиции доктор Йожеф Дора.

сивую скатерть с народной вышивкой (она была упакована в тонкую оберточную бумагу и перевязана розовой лентой), и все трое: Миклош, Янош и Йожеф — в один голос еще раз поздравили г-жу Папаи с шестидесятилетием, ведь, как уже отмечалось, в день сдачи-приемки г-же Папаи как раз исполнилось шестьдесят.

Однако, к величайшему изумлению троих господ, дальнейшая беседа пошла не по плану. И дело тут было не только в том, что верхняя часть профитроля неожиданно свалилась на мраморный столик, а уголки губ у г-жи Папаи оказались чуть-чуть испачканными сладким кремом, на что Йожеф (по праву *принимающего*) после некоторых колебаний с молодецкой улыбкой осмелился обратить внимание товарища секретной сотрудницы. Дело в том, что г-жа Папаи — когда порученные ей довольно многообразные задачи были тщательно разъяснены, а она спокойно, как отличник, да еще и без всяких шпаргалок, точно все повторила[5], что свидетельствовало о ее выдающейся памяти, которая, впрочем, проявлялась и в струившихся широким потоком, богатых на подробности прошлых ее донесениях, и после того как Миклош "передал" г-жу Папаи Йожефу, хотя там, на месте, эту операцию называли не совсем так, и как старший по званию уже махнул официантке, чтобы принесла счет, а сам достал толстый бумажник, — г-жа Папаи вдруг заметила голосом пронзительным и резким, похожим на призыв муэдзина, и этот голос тут же заставил трех товарищей навострить уши: "Думаю, мне не стоит больше этого делать, не могу больше

5 Далее в ходе беседы мы обратились к кругу вопросов, касающихся поездки в Иерусалим.
Г-жа Папаи сказала, что родственники торопят ее с поездкой и обязуются покрыть расходы, связанные с ее пребыванием там. Хотя всплыла и проблема: им хотелось бы, чтобы она пробыла там как минимум два месяца.
Товарищ Сакадати попросил г-жу Папаи, чтобы она попробовала сократить время своего пребывания, поскольку нам нужны сравнительно свежие материалы. Она сказала, что может позвонить своим родственникам и уточнить их готовность к приему.
500 форинтов на телефонные издержки я отдал под расписку.

этим заниматься”, от этих слов воздух вокруг стола прямо-таки заледенел, а г-жа Папаи чуть тише, но все тем же резким фальцетом добавила: “И вовсе не потому, что я не согласна с нашими общими целями”. От такой перемены тона все трое господ буквально окаменели, и подполковник полиции, заметив официантку, в эту самую минуту с торжественной улыбкой подходившую к столу, чтобы положить перед Миклошем счет, на котором значилась не такая уж скромная общая сумма, остановил ее на полпути указательным пальцем правой руки. Сначала он решил, что попросит официантку подойти чуть позже, но потом, ощутив благодаря безошибочному инстинкту всю нелепость ситуации, понял, что тем самым — нарушив неписаные правила конспирации — только привлечет к себе внимание. По счастью, в “Ангелике”, полупустой в этот предвечерний час, их веселая компания ни на кого особого впечатления не произвела: чиновники из близлежащих контор любили завернуть сюда в полдень или зайти на кофе или на пиво уже после утомительного рабочего дня; в углу, правда, сидели, тесно прижавшись, обязательные влюбленные, но они были заняты тем, что бесконечно всматривались в сияющую глубину глаз друг друга, так что товарищ Бейдер с интуицией прирожденного полководца тут же, прошипев сквозь зубы в сторону г-жи Папаи одно-единственное слово “Позже!”, дал понять, что отводит свою кавалерию от моста. Не скрою, г-жа Папаи изрядно струсила, увидев посуровевшее вдруг лицо Миклоша, с него вмиг слетело все благодушие, ей даже показалось, что она уже слышит скрежет зубов; в то же время, как опытная коммунистка, она быстро сообразила, что сейчас ей лучше помолчать, даром что ее разрывало от давно уже — да, собственно, с самого 1975 года[6] — вихрящейся где-то внутри удушающе горькой

6 ИТОГОВЫЙ РАПОРТ
Будапешт, I ноября 1982 г.

Тайный сотрудник под кодовым именем “г-жа ПАПАИ” была завербована сотрудниками бывшего отделения III/I-4 в 1975 г. Фактически это “наследство”, доставшееся ей от мужа, который был связан →

злости. Когда официантка наконец отошла, Миклош посмотрел на г-жу Папаи — то же самое сделали Янош и Йожеф — с некоторым ожиданием и беспокойством. “Я, — сказала г-жа Папаи, — на службе народной демократии не только выполняла до сих пор бесчисленные и не такие уж легкие просьбы, невзирая на тяготы личной жизни, но и не раз выступала с конкретными предложениями. И даже в тех случаях, когда в ответ на мои предложения мне говорили: « Превосходно, спасибо вам, чудесно, здорово, шикарно, *йофи*”, — даже в таких случаях ничего, вообще ничего не происходило. Даже при стольких моих удостоившихся похвалы предложениях или как раз из-за них в последнее время ко мне вообще не обращаются, как будто меня и нет на свете. Ну и с какой стати я должна считать эту работу важной, если, когда я что-то говорю или предлагаю, я никому неинтересна, все только делают вид, но как только от меня что-то нужно, так я прям — раз! — и должна бегом что-то делать. Считаю, что поступать так с товарищами, как бы это сказать, — не по-товарищески. В таких рамках никакого смысла в своей работе я не вижу и только потому все-таки не бросаю, что еще надеюсь: изменения в работе приведут к взлету”. Выслушав это словоизвержение, господа какое-то время сидели как три пристыженных школьника; ничего подобного они не ожидали, а к тому, чтобы завербованный агент поучал кого бы то ни было из своих кураторов, и вовсе были не приучены, однако многое повидавший на своем веку Миклош быстро вышел из положения. “Дорогая товарищ г-жа Папаи, — сказал он с предусмотрительностью дипломата, — как раз в последнее время перед нами встала масса задач в других областях, и если вы внимательно читали новости, то можете себе представить, сколько у нас забот и хлопот; в такие моменты,

со службой с пятидесятых годов, но в настоящий момент пребывает в тяжелом депрессивном расстройстве и непригоден к исполнению своих задач.
“Г-жу ПАПАИ” завербовали на основании принципиальности и патриотизма, она стоит на твердой политической основе, являясь убежденным сторонником нашего общественного порядка.

понятное дело, есть известные приоритеты…” Но г-жу Папаи не так легко было купить, и она бесцеремонно перебила Миклоша: “Когда нужно перевести статьи, с которыми я глубоко не согласна, а мне даже чтение таких гнусных реакционных статей, с которыми я глубоко не согласна, причиняет страдания, не говоря уж о дословном переводе, от него меня просто выворачивает — еще и потому, что по-венгерски я владею плохо и нуждаюсь в помощи, но ни от кого, кроме как разве лишь от своего сына, ее не получим, но не могу же я вечно хищать его свободное время, да и не хотелось бы его в это втягивать”, — чем дольше говорила г-жа Папаи и чем запальчивее становилась ее речь, тем быстрее в ней множились трогательные ошибки: согласные менялись местами, окончания, приставки и суффиксы начинали жить самостоятельной жизнью; мужчинам, впрочем, это определенно нравилось, и когда г-жа Папаи извинилась на этот счет, чтобы показать, какая для нее мука мученическая — составлять все эти донесения, а потом переписывать их по ночам от руки, Миклош ее перебил: “Эти грамматические ошибки, эти мелкие отклонения, дорогая г-жа Папаи, лишь добавляют вашим донесениям достоверности; признаюсь, что в «тошноворотном» море языковой серости они действовали прямо-таки освежающе. Помню, какой замечательный был ваш самый первый рапорт, ваш, можно сказать, первый выход, когда шесть лет назад вы с сыном поехали в гости к своей семье, ну это же шедевр просто: как в Яффе на пристани вы вернулись за своими чемоданами[7] — это вы не для меня писали, но товарищ

7 *Интересно, что при всей строгости полицейского контроля они ничего не имели против того, чтобы я сама снесла на берег свои чемоданы, пока остальные, выстроившись в очередь на таможенный досмотр, понапрасну дожидались багажа. Ибо портовые грузчики снесли немножко чемоданов, а позже, в девять, улеглись в трюме парохода прямо на багаж и начали завтракать. И никто, вообще никто не мог заставить их поспешить с разгрузкой и только потом приступать к еде. Я вышла из большого портового помещения, с легкостью отспросилась обратно на корабль и спустилась с чемоданами вниз. Остальные несколько часов дожидались, чтобы пройти таможенный досмотр. Таможенники были строги с несколькими молодыми американцами, которые уже работали добровольцами в кибуце и снова* →

Мерц специально ко мне зашел, чтобы зачитать, и я уже тогда обратил внимание, какой блистательный наблюдатель это писал, ну как такую прелесть забудешь — когда вы, например, пишете, что «отспросились» обратно на пароход за своими чемоданами, — понимаете, «отспросились», а не «отпросились» — я даже рассмеялся, так это удачно…" Но г-жа Папаи, нахмурившись, снова перебила Миклоша и продолжила: "Но я, каким бы трудом мне это ни давалось, выполняю просьбы, пишу донесения, перевожу статьи, да еще и в срочном порядке, забросив все остальное, — и тогда я хороший товарищ. Но когда я о чем-то прошу, тогда я, получается, всего лишь мышка, последний копошащийся в пыли джук". — "Джук?" — переспросил товарищ Бейдер в замешательстве. "Прусак", — ответила г-жа Папаи с вызовом. — Теперь вам хотелось бы, чтобы я сократила свою поездку. Если я и это сделаю, что мне за это будет? Все мои предостережения просто выбрасывают в мусор. И все мои идеи яйца выеденного не стоят". Тут подполковник полиции тайком бросил взгляд на лейтенанта полиции Йожефа Дору, передающий — на принимающего: вот, мол, возможность на деле доказать, что он достоин задачи, обладает надлежащей психологической чуткостью и умеет должным образом направлять и руководить г-жой Папаи, которой в эти минуты все трое втайне еще больше восхищались, потому что благодаря этому своему страстному словоизвержению она прямо-таки помолодела.

"Дорогая товарищ г-жа Папаи, — мягко проговорил Йожеф, — в том-то и состоит моя цель — и в ходе этой нашей встречи я подал, наверное, тысячу знаков в доказательство этого: восстановить доверие между нами. Доверие, которое выдержит любые потрясения. Ведь цель у нас

приехали с той же целью. Наверное, искали у них героин, потому что перевернули все их вещи и очень основательно расспрашивали. В моем случае таможенный досмотр на пути туда и обратно был довольно поверхностный. Даже не открывали чемоданы. Таможенная декларация там стандартная.

общая — борьба за правду и справедливость". Это был тактичный намек на расшитую народным узором скатерть, которую он, правда, купил для г-жи Папаи не на свои деньги, но, в конце концов, никто ведь не заставлял его задабривать этим подарком так называемого секретного сотрудника. Естественно, товарищ Дора даже не догадывался, что г-жа Папаи эту скатерть передарит, причем она уже знала кому, отличный будет подарок, когда она, даст бог, увидит в Тель-Авиве свою семью в ходе оплаченной этими заказчиками поездки, оперативные задачи которой — у г-жи Папаи не было на этот счет никаких сомнений — находились в общем-то за пределами ее возможностей; она, конечно, дойдет до конца и все сделает, но вряд ли попадет на сионистский конгресс, чему на самом деле она радовалась, потому что каждая клеточка ее существа восставала против этих "националистских камланий", зато она по крайней мере побудет с людьми, которых любит, а им эта скатерть с традиционной венгерской вышивкой "матьо" доставит огромное удовольствие. Вообще г-жа Папаи к вещам не привязывалась, при первой же возможности избавлялась от них, а если нет, то они исчезали в каком-нибудь узле, потому что выбрасывать она ничего не выбрасывала. Еще в детстве она усвоила от матери, что не надо делать из вещей фетиша, — от матери, которая, притом что они были небогаты, регулярно приглашала домой ребятишек с улицы, варила им какао со взбитыми сливками и не раз, повинуясь внезапной прихоти, дарила кому-нибудь из них туфли или платья своих дочерей; если же в этот момент она вдруг замечала печаль на лицах собственных детей, то пускалась в долгие рассуждения о том, что скоро над человечеством забрезжит заря коммунизма, а пока они должны подавать всем пример. Нет, вещи для г-жи Папаи особой ценности не имели; при виде подарка на день рождения глаза ее засверкали, этикет как-никак, но это только потому, что она поняла, какой замечательный подарок скоро получится из этого подарка.